

“Литература – что-то вроде хирурга в полевом госпитале”: разговор с Ией Кивой о поэзии, инклюзивности, полилингвальности, Украине и Беларуси

Алессандро Акилли

◇ eSamizdat 2021 (XIV), pp. 191-200 ◇

Ия Кива (1984, Донецк) — поэтесса, переводчица, журналистка, вынужденная переселенка из-за российско-украинской войны. Пишет на русском и украинском языках, ее стихи переведены на 15 языков. Автор двух сборников поэзии — *Подальше от рая* (2018) и *Перша сторінка зими* (2019, на украинском языке), а также книги интервью с современными белорусскими писателями *Ми прокинемось іншими: розмови з сучасними білоруськими письменниками про минуле, теперішнє і майбутнє Білорусі* (2021, укр.). Стипендиатка программы Министра культуры Польши *Gaude Polonia* (2021). В этом интервью мы с ней поговорим о современной украинской культуре, о том, как она менялась после 2014 года, о вызовах полилингвальности, Беларуси, ее культуре и языке, и о том, почему стоит почитать современную белорускую литературу.

* * *

Алессандро Акилли Ия, ты говорила, что скорее всего твоё поколение будет последним поколением русскоязычных поэтов и поэтесс Украины, но в то же время ты говоришь, что тебе близка идея инклюзивной идентичности и полилингвальности. Как это понимать?

Ия Кива Прежде всего, я хотела бы уточнить, что в интервью, на которое ты ссылаешься¹, я высказываю предположение, что так может быть, но не утверждаю этого. А имела я в виду, что после 2014 года русский язык в Украине стал проблемой, в том числе русский язык письма. И связано это в первую очередь с российско-украинской

войной. Я довольно далека от солидарности с известным мемом ‘язык врага’, поскольку любой язык — всего лишь инструмент, и убивает не топор, а человек, у которого он в руках, и здесь речь может идти разве что о языке насилия, языке убийства, но в каком-то смысле и я оказалась в ситуации, когда русский язык позволяет мне быть собой и в то же время не дает мне быть собой, позволяет мне быть той, кто я есть, и одновременно убивает. Когда Путин сказал, что собирается защищать русскоязычное население Украины, он сделал каждому русскоязычному гражданину Украины огромный надрез на шее, из которого теперь всегда течет кровь. Но если отвлечься от метафор, то, с одной стороны, впервые после 1991 года возникла ситуация, когда русскоязычные авторы больше не ездят в Москву за ханским ярлыком, чтобы писать, т.е. не считают российское экспертное сообщество источником собственной легитимизации. С другой стороны, не очень понятно, а каковы же механизмы этой самой легитимизации русскоязычных авторов в украинском литературном процессе и есть ли они вообще. В какой-то мере это довольно старая дискуссия о границах русской и украинской литературы и критериях их маркировки: язык ли это, место проживания, самоидентификация, литературная традиция, на которую опирается автор и т.д. Поэтов, пишущих по-русски, но при этом опирающихся на украинскую литературную традицию, я, например, пока не встречала. И большинство билингвальных поэтов — это истории перехода с русского на украинский, но не наоборот. Но вопрос о том, есть ли место для русскоязычного автора в

¹ І. Естеркіна, *Поетеса Ія Ківа: Ані Путін, ані Росія не мають копірайту на російську мову*, “Главком”, 03.10.2018, <<https://glavcom.ua/interviews/poetesa-iy-a-kiva-ani-putin-ani-ros-iy-a-ne-mayut-kopiraytu-na-rosiysku-movu-533225.html>> (последнее посещение: 22.12.2021).

современном литпроцессе Украины и какое оно, — для меня открытый. Если начинающий автор, пишущий по-русски, захочет сегодня в этот литпроцесс войти, то я не очень понимаю, как именно ему это сделать, через какие механизмы стать видимым, как о нем вообще может кто-нибудь узнать. Если для того, чтобы писать, ничье разрешение не нужно, то присутствие в литературном процессе невозможно без определенных социальных лифтов, поскольку литература, как и любая другая система, иерархична. А в Украине абсолютное большинство фестивалей и премий, как и поддержка переводов культурными институтами или книгоиздание — для тех, кто пишет по-украински. (Маргинальные фестивали и премии, как и малые издательства, держащиеся на подвижничестве их создателей, я оставляю за скобками). Критики тоже не очень хотят писать о книгах на русском языке, поскольку такие рецензии, с одной стороны, не хотят видеть площадки, а с другой — требуют новой методологии, нового инструментария, которого в арсенале украинистов, например, часто просто нет. Гибридные авторы, работающие на границе культур, требуют соответствующего разговора о них, а не попытки вписать их либо исключительно в российский (по языку), либо исключительно в украинский (по месту проживания/идентичности) дискурс. Возможно, такие исследователи и исследования есть в академической среде, но не в литературной критике, разговаривающей с условным массовым читателем. Говоря о поддержке только украиноязычных авторов и их текстов, я не хочу сказать об угнетении, скорее о ситуации, которая украиноязычным авторам не видна или к которой они не чувствительны, поскольку их культурные права никак не ограничиваются, а русскоязычные авторы не очень понимают, как и с кем о ней говорить, поскольку повторять слоганы российской пропаганды о притеснении русскоязычных никто не хочет. Как не хочет встраиваться и в российский литпроцесс. Люди хотят заниматься любимым делом у себя дома. При этом мне кажется, что у украинской культуры есть все возможности для того, чтобы пойти путем инклюзивности и полилингвальности в отношении

видимости и поддержки, равноправного разговора и диалога с русскоязычными авторами, как и с крымскотатароязычными, например. В Латвии и Эстонии, как я недавно узнала, русскоязычные авторы вполне могут получить государственный грант на проведение фестиваля, какой-то издательский проект, участвуют в культурной жизни наравне с латышскоязычными и эстоноязычными коллегами. Я понимаю, что Россия на их страны, к счастью, не нападала, но неразличение украинского на русском языке и российского не кажется мне справедливым. Пока что у нас более-менее в зоне видимости оказались русскоязычные авторы старшего поколения (скажем так, 45+), легитимизированные российскими премиями, книжками в престижных российских издательствах и участием в тамошних фестивалях. И есть еще кейс Андрея Куркова, который с самого начала пошел на Запад, а не в сторону России, и даже на польский рынок зашел не из Украины, а с Запада. Но я бы его рассматривала как исключение, как сложную, но возможную альтернативу. Правда, конечно же, для прозаиков. В последнее время у нас появилась тенденция, когда русскоязычные прозаики издают книги сразу в двух вариантах — на русском и украинском языках (в переводе другим человеком). Но такой ход может позволить себе далеко не каждое издательство, и еще меня волнует вот какой вопрос: как эти авторы объясняют себе, что их оригинальный текст не будет прочитан. Неужели нет никакой разницы между оригиналом и переводом? С другой стороны, само это явление — уже путь. Чем больше я обо всем этом думаю, тем пессимистичнее мои взгляды на собственное настоящее и будущее. Допустим, мне говорят, что именно в Украине моя жизнь и права не важны, потому что Россия напала на Украину, и русский язык теперь воспринимается как триггер и угроза. Но, во-первых, я не очень понимаю, почему я должна нести ответственность за решения политиков и действия армии соседнего государства, а с другой — как же так, я же в Донецке выходила на протесты и оказалась без дома, в частности, и потому, что считала и продолжаю считать, что украиноязычные люди имеют право быть собой.

Есть еще одна 'простая' версия решения проблемы — перейти на украинский язык письма. Но дело в том, что писатель не пользуется общим языком, а создает собственный, следовательно, и перейти никуда не может — только создать, а на это требуются время и ресурсы. А главное — понимание эстетической задачи, которую ты при этом решаешь. Кроме того, в моем случае отдать еще и свой язык (да, я скорее воспринимаю разговоры о переходе как 'отдай язык врагу', говорю это с иронией, разумеется), после того как я уже отдала дом, в который вложены силы и жизни не одного поколения, — какая-то невыносимая история. Слова — единственное, что у меня осталось, и единственное, что у меня не смогут отобрать, когда опять придут убивать. После всего, что со мной случилось за последние лет десять, мало в чем я уверена так, как в этом. К сожалению, именно литература — чуть ли не единственная сфера (прошу прощения, если кого-то упустила из виду), где нельзя перейти на украинский в быту или на работе. Культурные права — вещь довольно специфическая, и люди не так часто задумываются о том, что некоторые авторы продолжают писать по-русски, будучи на всю голову украинцами, просто потому, что чувствуют себя в материнском языке свободнее и могут больше сказать на нем, больше сделать. И с их политическими взглядами и гражданской позицией это в противоречие не вступает. Как я уже сказала, я не очень понимаю, как, с кем и где обо всем этом говорить, чтобы такой разговор был диалогичным и конструктивным, не наступая на старые и новые травмы, но я хотела бы, чтобы такой разговор был, потому что ямы молчания — это всегда капканы для будущего.

А.А. *В другом интервью ты говоришь, что в Украине, ещё больше, пожалуй, чем в других странах и других соседствующих культурах, которые тоже можно было бы назвать литературоцентричными, людям хочется читать поэзию. Но ты говорила также, что "жизнь, конечно, сложнее и страшнее, чем литература"*². Мы, западные исследова-

дователи и исследовательницы славянских культур всегда склонны думать, что литературе и, прежде всего, поэзии суждено играть активную важную роль в культурной и, может, даже в социальной жизни Украины. Это действительно так, или это мы ситуацию немного идеализируем?

И.К. Я думаю, вы немного идеализируете ситуацию. Поэзия — камерное искусство, аудитория которого всегда меньше, чем у прозы. Это просто нужно принять. Если человек собирается посвятить жизнь академической музыке, то нетрудно предположить, что просмотров на ютубе у него будет несколько меньше, чем у какого-нибудь поп-хита. Впрочем, статистики я не видела. Я не хочу сказать, что проза — это попса, вовсе нет, просто ищущую метафору, чтобы показать соотношение сил. Когда после украинских фестивалей с крупными ярмарками, таких как "Книжный Арсенал" или "Букфорум"³, люди выкладывают в соцсетях фото со стопочками купленных книг, там редко можно увидеть поэзию. Кроме того, все исследования культуры чтения, проводившиеся в последнее время, показывают, что активно читающей страной Украину не назовешь. У меня есть и некоторые бытовые наблюдения по этому поводу. На пляже в Одессе украинца с книгой в руках можно увидеть очень редко, а если повезет — это или классика (не обязательно украинская), или маслит, и почему-то никогда не современная литература. Но если среди отдыхающих попадают иностранцы, то с книгой, причем обязательно бумажной, будут сразу несколько человек в компании или оба партнера, если речь о паре.

Я совершенно не уверена, что украинец, который сам не пишет, не переводит и не редактирует тексты, имеет сколько-нибудь четкие представления о том, что происходит сегодня в украинской литературе вообще и в поэзии в частности. И не в последнюю очередь это связано с инфраструкту-

ua/ukr/opinion/ukrajinci-yak-stati-silnimi-50070348.html > (последнее посещение: 23.12.2021).

³ Главные книжные ярмарки Украины, проходящие ежегодно весной в Киеве (Книжный Арсенал) и осенью во Львове (Bookforum).

² І. Ківа, *Сильні, як дубовий гай*, "НВ", 29.04.2020, <<https://nv>.

рой. Если у нас нет бумажных и интернет-изданий, работающих по принципу литературного журнала с текстами, критикой, интервью и обзорами, как вообще людям разобраться, что происходит? У площадок, обслуживающих рынок, несколько иные задачи: они гораздо чаще информируют, чем анализируют. Именно поэтому у украинской поэзии, например, устная форма бытования доминирует над письменной. Во всяком случае так было до COVID-19. В этом есть и определенная демократичность, и не такая жесткая иерархия, и интересные форматы, часто собирающие довольно большое количество слушателей, но литература, не занимающаяся осмыслением самой себя, — явление довольно уязвимое. В той же Польше, например, количество одних только бумажных литературных журналов поражает воображение. А значение номеров, посвященных одному автору, трудно переоценить. Благодаря этому формату, совершенно случайный человек может купить журнал с текстами, например, поэта, критикой его произведений, оценками других авторов, выдержками из интервью, и составить более-менее внятное впечатление. К тому же, к бумажным текстам проще возвращаться, они не исчезают вместе с сайтом или доменом, с ними легче работать, подчеркивая важные места. Возможно, поэтические вечера и собирают в Польше меньше людей, чем в Украине, и в возрастном отношении это разные аудитории — у нас молодежи больше, но там совершенно иначе устроен литературный процесс. Я была удивлена количеством фестивалей, постоянно происходящих там в самых разных местах: и в крупных городах, и в мелких, и в сельской местности. Такая децентрализация литпроцесса кажется мне более перспективным для развития культуры подходом, чем несколько больших фестивалей в областных центрах, между которыми литературная жизнь как будто умирает. Правда, в последние годы на литературной карте Украины появляется все больше и больше инициатив, и я надеюсь, что скоро и у нас фестивали из точечных календарных событий станут частью постоянно функционирующей разветвленной системы.

Другое дело, что Украина — страна с внешней

войной, олигархами, отсутствием верховенства права и невероятной пропастью между богатыми и бедными. У нас очень много проблем и несправедливости. А литература — что-то вроде хирурга в полевом госпитале, днем и ночью пытающегося залатать очередную дырку там, где должен работать общественный договор или хотя бы Конституция. И поэзия у нас и анальгетик, и антибиотик, и антисептик. Рискну предположить, что в Украине ожидания от литературы выше, чем в странах, где жизнь спокойнее. Это проявляется и в специфическом интересе к гражданско-политическим взглядам украинских писателей, и в повышенном доверии к их словам. Надо же, в XX веке писатели из бывшего социалистического лагеря так жарко отстаивали свое право заниматься только литературой, оставаться частными людьми, а в XXI веке они комментируют высказывания президентов, делают политологические прогнозы, дают советы о коммеморации вокруг истории с Мемориальным центром Холокоста “Бабий Яр” и т.д. И часто не потому, что очень уж этого хотят, а потому, что писатели в Украине вызывают хоть какое-то доверие, и авторы хотят показать, что позиция по тому или иному вопросу у них есть, что им не все равно. А то, что люди в основном не очень понимают разницу между мнением, пусть даже очень талантливого и умного писателя, и высказыванием эксперта — отдельный вопрос для размышлений, конечно. Но институт экспертизы разрушился не только в Украине.

А.А. Как изменилась украинская литература после 2014 года?

И.К. За это время в Украине появился и продолжает развиваться книжный рынок, которому больше не нужно кое-как выживать в широкой тени российской книжной продукции. Хотя, насколько я знаю, ее и сейчас больше, чем книг украинских издательств. Но изменилось не только количество украинской книжной продукции, а прежде всего отношение к ней: украинские книги больше не считаются чем-то вторичным по отношению к российским, наоборот, если есть выбор —

прочитать переводную книгу на русском или украинском, скорее всего он будет сделан в пользу украинского языка. И часто это не только вопрос удобства или политически окрашенный выбор, а и интерес к своему, за которым есть чувство сообщества, причастности, разговора. Мне, например, часто просто интересно почитать книги в переводе очень конкретных людей, чьи переводческие голо-са я ценю, потому что я знаю этих людей лично, слежу за их работой, читаю интервью с ними. Пандемия из-за COVID-19, конечно, сильно ударила по украинскому книжному рынку, но не по нему одному. Единственное, что для Украины этот удар оказался тяжелее, поскольку многие процессы, которые только-только стали давать системные положительные результаты, похоже, опять придется перезапускать с нуля.

Возвращаясь к переводам, о которых я уже сказала, надо признать, что после 2014 года не только многие зарубежные авторы заговорили украинскими голосами, но и украинских авторов стали больше переводить. Украинская культура больше не кажется каким-то невнятным неразличимым пятном рядом с 'великой' русской культурой. Причем часто переводы каких-то важных текстов в Украине выходят раньше, чем в России. Так, например, стало с книгой Филиппа Сэндса *Восточно-Западная улица*, которая в Украине вышла в 2017 году, а в России только в 2020-м.

Однако рынок меняется не только количественно, но и качественно: появляются издательства, специализирующиеся на комиксах и графических романах, арт-издательства, издательства с феминистской направленностью; все больше внимания уделяется книжному дизайну, а на "Книжном Арсенале" каждый год проводится конкурс на лучший книжный дизайн, в жюри которого входят и иностранные эксперты.

Изменилась и литературная инфраструктура: появились государственные институции, занимающиеся поддержкой и продвижением украинской литературы, в том числе и ее переводов (Украинский культурный фонд, Украинский институт книги)⁴, литературные агентства, произошло пере-

осмысление роли литературных менеджеров и кураторов, появилось больше престижных премий (тут особым игроком является Украинский ПЕН, основавший, среди прочего, премию им. Юрия Шевелева для украинских эссеистов и *Drahoman Prize* для переводчиков украинской литературы на иностранные языки).

Тут, наверное, стоит сказать, что война стала одной из главных тем в украинской поэзии. И вряд ли в ближайшее время это изменится. Даже у тех авторов, которые вроде бы не работают с этой темой, порой можно встретить слова типа 'ПТСР'⁵ или 'линия соприкосновения' в какой-нибудь любовной лирике. Война так или иначе влияет на словарь — и людей, и общества, и литературы, и культуры. С другой стороны, осмысление войны как большой антропологической катастрофы еще не началось, для этого просто нет необходимой и достаточной дистанции. Когда я стала думать об этом, работая над поэтическим циклом *Люди Донбасса*, то поняла, что раньше просто не смогла бы с таким отстранением посмотреть на российско-украинскую войну как на событие, слишком велика вовлеченность в нее как в процесс. Не говоря уже о том, что такая работа психологически не может быть ни простой, ни легкой даже в том случае, когда ты не можешь говорить именно об этом.

Кроме того, и я уже начала говорить об этом, отвечая на первый вопрос, понятие 'русскоязычная литература Украины' впервые стало не просто словосочетанием, но некоторым феноменом, требующим изучения, поскольку русскоязычные авторы перестали ездить в Россию, полностью обрезали или ограничили взаимодействие с россиянами, их высказывания изменили статус, став в большей степени внутренними, чем внешними. Также я встретила у Олены Галеты⁶ интересную мысль о том, что из-за перехода многих авторов на украинский язык у нас теперь появился феномен

г. (УИК) для поддержки украинской культуры и книгоиздания как и в Украине, так и за ее пределами.

⁵ Посттравматическое стрессовое расстройство.

⁶ Львовская литературовед и поэтесса, профессор Львовского национального университета им. Ивана Франко и Украинского католического университета.

⁴ Государственные учреждения, основанные в 2017 г. (УКФ) и 2016

украинской литературы, написанной на неродном языке, что также требует изучения.

Еще одной неизбежной реакцией на войну стала феминизация и украинского общества, и украинской литературы. У нас появился массив серьезной женской поэзии о войне, и это не обязательно женские ролевые истории (матери, жены, сестры, вдовы). У нас в принципе очень интересные женские голоса и в поэзии, и в прозе, и в эссеистике, и в репортажистике. Но если говорить именно о поэзии, похоже, на данном этапе развития литературы женщины просто менее предсказуемы в том, как и о чем они будут писать, поскольку многие из них говорят как бы впервые, не обязательно борясь с патриархатом, но уже без желания вписаться в патриархатную систему одобряемого и неодобряемого. Кроме того, мужчины более закрыты в проявлении эмоций, славянские мужчины особенно, а война как проживаемый опыт требует эмпатии, эмоционального вовлечения, соучастия, если только человек не хочет раньше времени умереть ‘от нервов’ или наложить на себя руки.

А.А. Ты очень активно работаешь в сфере распространения белорусской литературы и культуры. Что тебя в ней привлекает?

И.К. На вопрос о том, за что ты любишь кого-то, невозможно ответить. Любовь или есть, или нет. Прежде всего, мне очень нравится белорусский язык. Как звучание, как музыка, как постоянное напряжение между узнаванием и неузнаванием. Взаимодействие со славянскими языками (украинским, русским, белорусским, польским) — это всегда путешествие по коридору возможностей языка как такового. Каждый раз думаешь: “О, а это можно сказать и так”. Или: “У нас слово в этом значении вышло из употребления, а в белорусском оно основное”. Удовольствие от такого рода наблюдений сродни эмоциям, которые испытываешь, сравнивая разные интерпретации классических музыкальных произведений. И, если продолжить начатую мной музыкальную линию разговора, я всегда говорю, что по звучанию белорусский язык — это как украинский, к которому до-

бавили мощную бас-колонку. В белорусском очень много низких обертонов.

Но в том, что ты называешь распространением белорусской литературы, есть еще и этический момент. Хотя с равным успехом его можно было бы назвать политическим или просто человеческим. Я хочу сказать, что перевод белорусской литературы, особенно после 9 августа 2020 года, — это еще и политический жест, правозащитный жест, гражданский жест. Ты видишь людей в беде и задаешь себе вопрос: “Что я могу сделать для них?”. Например, перевести белорусскую поэзию или эссеистику и таким образом обратить внимание на Беларусь и то, что в ней сегодня происходит. Когда я, начиная с 9 августа 2020 года, не меньше месяца (я сейчас точно не помню, месяц или два) постила свои переводы белорусской поэзии в фейсбуке под тегом #перекладысалідарнасці, я исходила из того, что, возможно, человек, далекий от власти, может сделать не так уж и много, но выбор (молчать или не молчать, видеть или не видеть) есть всегда. Позиция, в которой ты оказываешься свидетелем чужих страданий, прямо скажем, не слишком приятная. Кроме того, для меня это еще и продолжение личной истории: я хорошо помню, что, когда оккупировали Донецк, людей, меня и других дончан, за несколькими исключениями, деятели культуры не очень-то рвались поддерживать. А как знать, возможно, такая поддержка многое или хотя бы что-то бы изменила.

Но я переводила белорусских авторов и до 2020-го года. Кажется, года с 2017-го. А когда ты начинаешь вчитываться и вслушиваться хотя бы в одного автора, то потом заходишь все дальше и дальше в лес белорусской литературы, потому что тебе интересно, а какие еще авторы там есть, о чем они пишут, что вообще происходит в Беларуси. Переводчики всегда немного напоминают свиней, вынюхивающих трюфели. И одним грибом тут обычно не обходится.

Если говорить о каких-то персоналиях, то мне, например, нравится Светлана Алексиевич. Я помню жаркие споры вокруг присуждения ей Нобелевской премии. Но для меня ее книга *У войны не женское лицо* — одно из самых важных произ-

ведений о Второй мировой войне. А то, что она намного раньше других нащупала тенденцию к размыванию границ между художественным и документальным, между фикшеном и нон-фикшеном, которую мы сегодня видим в литературе самых разных стран, похоже, свидетельствует о том, что Нобелевский комитет не ошибся. Кроме того, ее произведения — это все тот же разговор о поэзии после Освенцима, поскольку метод Алексиевич в каком-то смысле является ответом на вопрос об эстетизации страдания и возможностях разговора о травме. Не в смысле модного сейчас травмоговорения (выговаривания травмы), а в смысле возможности преодолеть онемение, молчание, замалчивание и, в принципе, найти язык, адекватный по своей силе масштабу такого события, как, например, катастрофа на Чернобыльской атомной станции.

А.А. Чем, по-твоему, беларуская литература отличается от украинской?

И.К. Я бы хотела уклониться от широких обобщений, поскольку для подобных сравнений нужны внятные критерии и конкретные авторы, иначе разговор перейдет в плоскость анекдота о национальностях. Беларуская литература, как и любая другая литература, очень разная. Среди особенностей, которые обращают на себя внимание, я бы назвала особый тип иронии, всегда соседствующей с самоиронией, острой, горькой. Украинские авторы с комическим как-то иначе работают: это или юмор (смех), или ирония, которая ближе к постмодернистской игривости, чем к критической реакции. Беларусы же, причем не только литераторы, иронию используют как инструмент, с помощью которого, с одной стороны, можно дистанцироваться от реальности, диктатуры, даже бессилия иногда, а с другой — в принципе высказаться. Беларуская ирония, и в этом она очень напоминает советский юмор, — что-то вроде оборонного снаряжения, позволяющего положить между собой и государством, душащим все живое, тоненькую веточку надежды. Сам тип этой иронии — реакция на жизнь в несвободной стране.

Также я могу поделиться некоторыми переводческими наблюдениями. Так, например, в поэзии, появившейся на фоне протестов, очень много метафор беременности и родов, в том числе и у авторов-мужчин. А в творчестве Юли Тимофеевой, которую я довольно много переводила на украинский и русский языки, есть то, что можно назвать сельской или доиндустриальной идентичностью. У нас принято стесняться любой причастности к селу (возможно, в этом проявляются последствия коллективизации, раскулачивания и Голодомора, если говорить об Украине), а в стихах Юли Тимофеевой⁷ — это целый мир, который она делает видимым. Моими предками были украинские крестьяне, но к тому моменту, когда я родилась, из старших поколений уже никого в живых не осталось, поэтому для меня перевод Юлиных текстов — еще и возможность представить ту жизнь в селе, которой у меня никогда не было и уже не будет. Тут я оговорюсь, что пишет она, конечно, не только об этом. Но вот такой последовательной работы с сельской идентичностью среди украинских авторов нашего с ней приблизительно возраста я что-то не могу вспомнить. Когда-то меня поразило, как украинский поэт Василь Голубородько⁸ из крестьянской хаты, солнца и поля умеет создавать большую поэзию. Что-то похожее, правда, уже на ином этапе развития литературы, я вижу и в поэзии Юли. Безусловно, она подходит к теме села концептуально, поскольку сама она живет уже в пространстве города, но при этом постоянно держит в уме свои корни и вводит в поле зрения, мышления, воображения других людей мир села, во многом уже исчезнувший, даже трагически исчезнувший, если знать историю ее семьи — людей, вынужденных переселиться из Чернобыльской зоны.

Также мне интересна Кристина Бандурина⁹, последовательно работающая с ЛГБТ-

⁷ Беларуская поэтесса и переводчица (1980 г.р.), с 2020 г. живущая в Австрии, автор сборников поэзии на беларуском языке и публикаций на разных языках.

⁸ Украинский поэт (1945 г.р.), один из главных представителей “Киевской Школы” независимой украинской поэзии (1960-1970 гг.).

⁹ Беларуская поэтесса (1992 г.р.), живущая в Минске.

идентичностью и темой насилия в семье не только в поэзии, но и статьях и эссе. Помимо того, что когда-то давно я хотела переводить только поэзию женщин (жизнь, правда, внесла в эту установку коррективы), чтобы женские поэтические голоса звучали сильнее, квир-идентичность также кажется мне тем, что стоит делать видимым. Это одна из причин, по которой я стала переводить Кристину Бандурину и Артура Комаровского¹⁰.

Или возьмем совсем другого автора — Дмитрия Строцева¹¹. В украинской поэзии очень много религиозных мотивов, отсылок к христианскому дискурсу — начиная, если говорить о современной поэзии, с Жадана¹² и заканчивая начинающими авторами. Но христианство в поэзии Димы другое: это не столько аллюзии на известные библейские сюжеты и не попытка пересказать Библию современным языком, сколько базовый словарь, которым оперирует мышление. И поэтическое напряжение в его минималистических текстах сродни напряжению притчи: между тем, что СКАЗАНО, и тем, ЧТО сказано. У него это не игра и не интерпретация, а проживание. Одна только метафора белорусской мирной революции как воскресения мертвых, как мне кажется, очень многое позволяет понять и о его поэзии, и о любом социальном движении в сторону свободы.

Но вообще мне довольно трудно сравнивать, поскольку я не за сравнение, а за принятие, эмпатию, со- и проживание. Этот же принцип я использовала в работе над книгой *Мы проснемся другими: разговоры с современными белорусскими писателями о прошлом, настоящем и будущем Беларуси* (2021). Не знаю, как это объяснить, но российско-украинская война привнесла в сравнения, хотя это один из принципов мышления и взаимодействия с миром, что-то ложное, ограничивающее. Иначе говоря, я не хочу думать о том, чем белорусская литература отличается от украинской, я хочу думать о конкретных авторах, конкретных

текстах, о том, как они устроены, как устроена я, их читающая.

А.А. Ты говорила об интервью с белорусскими интеллектуалами. Очень хотелось бы узнать больше о твоей книге.

И.К. Эта книга — один из проектов Украинского ПЕН, и вышла она в серии “Библиотека украинского ПЕН”, которая появилась как попытка дать начало хорошей традиции осмысления и обсуждения украинскими интеллектуалами различных фокус-тем, касающихся важных проблем, тенденций и изменений в культуре и общественной жизни Украины. Однако в 2021 году эта серия немножко расширила свои географические границы, поскольку в *Мы проснемся другими* говорят белорусские интеллектуалы, а фокус-темой являются протесты 2020–2021. Но важно понимать еще и правозащитный акцент этой истории, поскольку такая книга не может выйти на территории Беларуси при Лукашенко, некоторые наши авторы до сих пор не могут получить авторские экземпляры — это не слишком безопасно для них и их семей. В каком-то смысле эта книга — территория свободы, кусочек свободной Беларуси.

Мы проснемся другими — это интервью с десятью современными белорусскими писателями: Владимиром Орловым, Ольгердом Бахаревицем, Юлей Тимофеевой, Андреем Хадановичем, Вальжиной Морт, Марией Мартысевич, Анной Северинец, Владем Ленкевичем, Татьяной Нядбай и Дмитрием Строцевым. А поскольку все мои герои — поэты, то в книге есть и переводы их стихотворений на украинский: или написанных во время протестов, или связанных с тем, о чем мы разговариваем. Есть в ней и вставки из эссе, интервью или блогов героев, также переведенные на украинский, что добавляет тексту репортажности. Хотя я брала не только вещи протестного времени, но и, например, знаменитое эссе Владимира Орлова¹³ *Независимость — это*, написанное еще в 1990 году и не утратившее актуальности. Автор, кстати,

¹⁰ Белорусский поэт (1991 г.р.), живущий в Минске.

¹¹ Белорусский поэт (1963 г.р.), живущий в Минске, автор многочисленных сборников стихотворений на русском языке.

¹² Украинский писатель, поэт, переводчик и музыкант (1974 г.р.), живущий в Харькове, автор многочисленных книг, переводимых на разные языки.

¹³ Белорусский писатель, поэт и историк (1953 г.р.), живущий в Минске, автор многочисленных публикаций.

в январе 2020 года в первые в жизни оказался в суде за то, что прочитал этот текст на площади.

Хронологически книга охватывает условные полгода протестов — с августа 2020 года по март 2021 года — и уже стала документом времени. Достаточно сказать, например, что чуть ли не в каждой биографии моих героев написано “член Беларускаго ПЕН”, а сейчас эта организация на территории Беларуси ликвидирована решением Верхового суда страны. Причем символично, что сделано это было 9 августа 2021 года. И мне кажется, что очень важно воспринимать эти интервью как десять разных способов посмотреть на одну и ту же ситуацию. Если факты мы можем узнать из телеграм-каналов и СМИ, то вот оценки, интерпретации, метафоры моих героев позволяют увидеть, насколько по-разному можно думать о том, как лето 2020 года — “лето на берегу свободы”, как написал об этом Андрей Хаданович¹⁴, изменило Беларусь и белорусов. У Ольгерда Бахаревича¹⁵ появляется метафора двух Беларусей (аполитичной и пассионарной), которые, наконец, встретились в 2020 году, у Анны Северинец¹⁶ — муравейника (или пчелиного роя), в который превратилось белорусское общество, у Андрея Хадановича — детской сказки, в которой добро борется со злом (причем даже на визуальном уровне — женщины в белом и ‘космонавты’ в черном), у Татьяны Нядбай¹⁷ — тюрьмы, в которой сидят девять миллионов белорусов. Особо я бы отметила наш разговор с Владом Ленкевичем¹⁸. Мы с ним говорили о белорусской репрессивной системе — и вообще, и с позиций личного опыта (Владь дважды был на ‘сутках’) — что очень важно с той точки зрения, чтобы история белорусских протестов не стала историей исключительно героев и жертв, поскольку в ней есть и те, кто отдавал преступные

приказы, и те, кто их выполнял, и те, кто насиловал, избивал и убивал безоружных людей. О том, что белорусские протесты 2020–2021 — это не только история достоинства, *неверагоднасці*¹⁹, мужества, возвращения себе субъектности, сопротивления диктатуре, но и история репрессий и глубочайшей травмы, с которой белорусам еще предстоит разбираться довольно долго, вообще не стоит забывать. В книге я постаралась расставить акценты так, чтобы ее читатели увидели в белорусских протестах и то, и другое.

www.esamizdat.it ◇ А. Акилли - Ия Кива, “Літаратура – што-то вродзе хірурга в палевом госпітале”: разгавор с Іей Ківой о поэзии, инклюзивности, полилингвальности, Украине и Беларуси ◇ eSamizdat 2021 (XIV), pp. 191-200.

¹⁴ Белорусский поэт и переводчик, (1973 г.р.), в 2009–2017 гг. возглавлявший Белорусский ПЕН, живущий в Минске.

¹⁵ Белорусский писатель и поэт (1975 г.р.), один из основателей авангардного литературного движения «Бум-Бам-Лит» (1995 г.), с 2020 г. живущий в Австрии вместе с женой Юлей Тимофеевой.

¹⁶ Белорусская писательница и журналистка (1975 г.р.), живущая в Минске.

¹⁷ Белорусская поэтесса и переводчица (1982 г.р.), в 2017–2019 гг. возглавившая Белорусский ПЕН, живущая в Минске.

¹⁸ Белорусский поэт и переводчик (1987 г.р.), живущий в Минске.

¹⁹ Невероятность (бел.). Название песни Дмитрия Войтюшкевича на стихотворение Никиты Найденова, посвященной женщинам белорусского протеста.

◇ *“Literature is like a surgeon at a field hospital:” A Conversation with Iya Kiva on Poetry, Inclusion, Multilingualism, Ukraine and Belarus* ◇

Alessandro Achilli, Iya Kiva

Abstract

Interview with Iya Kiva.

Keywords

Ukraine, Belarus, Ukrainian Literature, Belarusian Literature, Literary Translation.

Author

Alessandro Achilli is Senior Assistant Professor of Slavic Languages and Literatures at the University of Cagliari. Between 2017 and 2020 he was Lecturer in Ukrainian Studies at Monash University, Melbourne. His research interests include modern and contemporary Eastern Slavic literatures, with special attention to poetry. He is the author of a monograph on Vasyl’ Stus (Florence 2018).

Iya Kiva is a poet, a translator and a journalist. Because of the Russian-Ukrainian War she was forced to flee her native Doneck. She writes in Russian and Ukrainian, and her poems have been translated into fifteen languages. She’s the author of two books of poetry, *Podal’she ot raja* [A Little Further from Heaven, 2018] and *Persha storinka zymy* [First Page of Winter, 2019, in Ukrainian], as well as of a book of interviews with living Belarusian intellectuals titled *My prokynemos’ inshymy: rozmovy z suchasnymy bilorus’kymy pys’mennykamy pro mynule, teperishnje i majbutnje Bilorusi* [We Will Wake up Different: Conversations with Contemporary Belarusian Writers about the Past, Present and Future of Belarus, 2021, in Ukrainian]. In 2021 she was a recipient of the Gaude Polonia scholarship programme of the Ministry of Culture and National Heritage of Poland.

Publishing rights

This work is licensed under **CC BY-SA 4.0**

© (2020) Alessandro Achilli, Iya Kiva